

За окном завывал ледяной северный ветер, а за пологом спальни тускло горел светильник. В тишине ночи то и дело раздавался шорох одеял — спящему явно не спалось.

— Биянь, — раздался тихий, прерывистый кашель из-за занавесок, — принеси чаю...

— Иду, — отозвалась спавшая в передней старшая служанка.

Накинув платье, она поспешно поднялась и достала чайник из ниши грелки. Спросонья зевнув, Биянь налила полчашки, но тут же нахмурилась: глина оказалась ледяной. Присмотревшись, она поняла, что угли в жаровне давно угасли. Слуги, дежурившие этой ночью, даже пальцем не пошевелили.

«Совсем страх потеряли, бездельники!» — мысленно обругала их Биянь.

Она сжала чашку ладонями и подержала её над угасающим пеплом, пытаясь согреть теплом собственных рук.

— Полной ночи переписывали сутры, едва уснули — и часу не прошло, а уже проснулись от жажды? — пробормотала Биянь, заходя в спальню.

Она аккуратно подцепила край полога серебряным крючком и протянула чашку. В неверном, зыбком свете проступило лицо молодого господина, полулежащего среди расшитых шелковых подушек. Прямо посреди его лба алела родинка беременности — верный знак гэера, однако сейчас она казалась тусклой на фоне болезненно бледной кожи. Сквозь полуопущенные ресницы длинных, приподнятых у висков глаз сквозила глубокая усталость.

Он отхлебнул, но остывшая вода обожгла горло холодом. Цзян Мэнчжэнь зашелся в мучительном кашле. Чашка выскользнула из его ослабевших пальцев и с тихим звоном разбилась.

Биянь бросила осколки и поспешно принялась растирать ему спину. От обиды за господина у неё перехватило дыхание.

— Совсем распоясались! — гневно зашептала она. — Да и госпожа Ци хороша... Как-никак она вам родная тётушка! Помните, как она обхаживала нас раньше? А теперь? В такую стужу заставила вас стоять на галерее, выказывая покорность! Да в чём же вы провинились? Поместье маркиза Цзянлин всегда было в чести! Это не те времена, когда они из кожи вон лезли, чтобы породниться с нами!

— Полно тебе... Какое теперь поместье маркиза Цзянлин? Смерть отца и матери развеяла наше былое величие как дым, — Цзян Мэнчжэнь бессильно откинулся на подушки и прикрыл глаза. — Благо у меня ещё осталась старшая сестра, княгиня Цзинь. Не вини тётушку. Они с моей матерью были сёстрами лишь наполовину, от разных матерей. Вся её бывлая забота держалась

на желании женить своего старшего сына на мне, чтобы укрепить связи. Но стоило помолвке устроиться, как старший молодой господин Ци скоропостижно скончался от болезни. Тётушка обезумела от горя и решила, что это я наложил на него проклятие. А тут ещё наложница Чжоу подсуетилась и сосватала меня за второго молодого господина Ци. Законный сын в могиле, а сыну наложницы досталась вся выгода. С тех пор от нашей и без того хрупкой родственной привязанности не осталось и следа. Тётушка исходит лютой злобой ко мне, только и всего.

— Но разве вы виноваты в его смерти? — Биянь хотела сказать что-то ещё, но лишь горько вздохнула. — Ах, если бы старший молодой господин Ци был жив...

Брови Цзян Мэнчжэня дрогнули, лицо осунулось ещё сильнее.

— Ты с ума сошла? Что за глупости ты несешь!

— Да ведь старший молодой господин Ци пылинки с вас сдувал! О каждом вашем блюде, о каждой глотке заботился лично! А теперь вы даже тёплой воды допроситься не можете! — Биянь окончательно потеряла осторожность от переполнявшей её обиды. — За эти годы со вторым молодым господином Ци вы хоть день были счастливы? Он ведь с самого детства рос угрюмым и холодным как ледышка. Семья Ци поднялась благодаря учености, старший молодой господин Ци говорил как по писаному, а этот только и знал, что махать мечом да копьями! Теперь вот ушёл на войну — и поминай как звали, словно собака кость утащила, не вернётся! Полгода ни слуху ни духу, хоть бы строчку черкнул. А вы ради него целыми днями сутры переписываете, о здравии молитесь... Думаете, он оценит?

— Ты... совсем язык распустила! — Цзян Мэнчжэнь почувствовал, как к горлу подкатила кровь.

Он зашелся в яростном кашле. Испуганная Биянь разрыдалась, упала на колени перед постелью и принялась растирать ему грудь, вымаливая прощение. Лишь спустя долгое время Мэнчжэнь бессильно опустил на подушки и с трудом перевёл дыхание.

— Мне не нужно, чтобы он ценил... — едва слышно прошептал он. — Но если ты ценишь нашу дружбу и то, что мы выросли вместе... прошу, замолчи. Не смей больше говорить такие вещи.

— Мне просто до боли вас жаль... Больше не буду, клянусь, — Биянь бережно подоткнула ему одеяло.

За окном уже занимался бледный зимний рассвет. Утерев платком холодный пот со лба Мэнчжэня, она ласково добавила:

— Поспите ещё немного. Во всём я виновата, словно бес попутал болтать лишнее. Из-за меня вы всю ночь глаз не сомкнули.

— Язык мой — враг мой, а людская молва страшнее яда. Помни об этом.

Голос Цзян Мэнчжэня истончился, став похожим на струйку благовонного дыма, тающую в воздухе.

У Биянь снова хлынули слёзы. Её дерзость шла от чистого сердца. Она помнила, как много лет назад сопровождала Цзян Мэнчжэня, когда они приехали в столицу для замужества его старшей сестры, княгини Цзинь. Четырнадцатилетний юноша тогда неторопливо сошёл со свадебных носилок — знатный, ослепительно прекрасный. Его алая родинка беременности пылала в самом центре лба, окружая его лицо почти божественным сиянием. Тогда кто-то из служанок семьи Ци даже упал перед ним на колени, приняв за сошедшего на землю Бодхисаттву Гуаньинь, чем вызвал немало шума.

Кто мог подумать тогда, в день их пышного въезда в поместье Ци, что всё обернётся такой тоской? Биянь изо дня в день видела, как холодны супруги друг к другу. Сердце её разрывалось от гнева и бессилия. Она искренне презирала второго молодого господина, который, получив такое сокровище, умудрялся воротить нос. Глупец и слепец! Он с лёгкостью растоптал и блестящее происхождение Мэнчжэня, и его редкую красоту, и глубокий ум, оставив супруга лишь чахоточный кашель да вечную печаль.

Когда же закончится эта унылая, беспросветная жизнь?

— Слыхала? Вчера в том дворе шумели за полночь! — старая нянька кивнула в сторону Павильона Притягивания Облаков, где жил Цзян Мэнчжэнь, и язвительно зашептала: — В такую холодину ветер дунет — жаровня и погаснет, дело житейское. Коль ты хозяин, так умей прощать ошибки челяди. А он давай со своей своенравной девкой шептаться да чашки колотить! Кому он это показывает? Только позорится!

— Вот-вот! — подхватила другая старуха. — Скажу тебе по секрету, моя сватья как раз прибирает у них в комнатах. Утром глядь — а фарфоровой пиалы недосчитались. Стоило ей мягко спросить, как эта Биянь на неё спустила всех собак! А я-то думала, гээр из поместья маркиза столь благороден... Оказалось, обычный скряга, который из-за черепка готов горло драть слугам. Тьфу, срам один!

— Да уж, «благородней»! Судьба у него такая чёрная, что ещё до свадьбы жениха в могилу свёл. А следом и родителей похоронил. Выдали за второго молодого господина Ци — так и того из дому выжил, воевать заставил. Родная тётушка, госпожа Ци, на дух его не переносит. Наложница Чжоу только и думает, как бы подложить под сына кого поприличнее. Столько лет замужем, а ни дитя, ни котенка не родил. Ходит бледной тенью, смотреть тошно!

— И то верно! Был бы по-настоящему богат да щедр, осыпал бы челядь серебром, укрепил бы своё положение. А так — ни уважения, ни достоинства.

— Да у вас язык без костей! — молоденькая служанка, бежавшая в Павильон Притягивания Облаков, случайно услышала эти пересуды.

Подхватив юбки, она подскочила к старухам и сердито притопнула ногой.

— Наш господин — добрейшей души человек! Я выросла в этом поместье, меня приставили к Павильону сразу после свадьбы. За все годы он ни разу никого из нас словом не обидел! С какой стати он должен платить вам за вашу же халатность? Как вы служите, так к вам и относятся! Из-за того что госпожа Ци в последнее время отошла от дел, вы совсем распоясались, раз смеете порочить имя хозяина за его спиной!

Старуха только открыла рот, чтобы огрызнуться, но тут из ворот Павильона Притягивания Облаков вышла Биянь в простом синем платье и поманила девочку рукой. Зная крутой нрав и острый язык старшей служанки, сплетницы поспешили убраться вовсю.

— Цзянсян, ну что? Разузнала? Действительно войска возвращаются в столицу?

— На воротах говорят, что да, — вздохнула Цзянсян, утирая лоб. — Только никто не знает, среди них ли второй молодой господин. Такие слухи и раньше ходили, да всё впустую...

— Вот именно. Из-за этих глупых басен наш молодой господин уже не раз простаивал на ледяном ветру у ворот, — Биянь повела Цзянсян в дом, тихо добавив: — Вчера он почти не спал. Давай пока попридержим расспросы, подождём более надёжных вестей.

В спальне, погружённый в зыбкую полудрему, Цзян Мэнчжэнь метался в лихорадочном бреду. Ему виделось множество смутных снов, уловивших отголоски прошлого, но стоило открыть глаза — и всё растаяло без следа. Он тускло смотрел на шёлковый полог над головой, не находя в себе сил подняться. Услышав за дверью голоса служанок, он превозмог слабость и приподнялся на локтях.

— Несите воду для умывания, — негромко, но твёрдо приказал он. — Нельзя терять время.

Биянь тяжело вздохнула. Откинув занавеси, она помогла господину спустить ноги с постели и обуться.

— К чему эти мучения? Думаете, он оценит вашу преданность?

— В былые времена, когда отец возвращался из походов, матушка всегда встречала его у самых ворот, — тихо отозвался Мэнчжэнь. — Я лишь исполняю свой долг супруга. И делаю это не ради чьей-то похвалы.

— Так то маркиз с супругой души друг в друге не чаяли! — покачала головкой Биянь. — Один мчался домой сломя голову, а вторая считала минуты до встречи. Вот это настоящие чувства. А без них — какая в этом радость?

Цзян Мэнчжэнь бросил на неё строгий взгляд сквозь отражение в медном зеркале. Поняв

намёк, Биянь тут же прикусила язык и споро принялась умывать и причёсывать господина. Отказавшись от завтрака, Мэнчжэнь набросил на плечи тяжёлый плащ из тёмно-синего сукна, отороченный белым лисьим мехом, и поспешил к главным воротам поместья.

Небо затянуло свинцовыми тучами, пахло близким снегопадом. Ледяной ветер пробирал до костей, сколько бы одежды ни было надето. Цзян Мэнчжэнь укрылся в полутени массивной стены ворот, стараясь сдерживать подступающие приступы кашля, и устремил взгляд вдаль. Ожидание тянулось бесконечно. Наконец в самом конце пустынной улицы показался передовой конный отряд в сверкающих доспехах. Впереди на холёном боевом скакуне ехал всадник, а позади мерно поскрипывал дорожный экипаж.

Биянь, согревая дыханием онемевшие пальцы, радостно прошептала:

— И вправду вернулся! Не соврали слухи на этот раз!

Ци Хэли восседал в седле прямо и гордо. На нём была матовая чёрная броня, а за плечами развевался алый плащ, хлопая на ветру подобно крыльям огромной птицы. Ратная жизнь преобразила его: он казался выше, шире в плечах, а его движения обрели властную уверенность. В отличие от покойного старшего брата, Ци Фэнцзю, который всегда отличался изысканными манерами и мягкостью книжника, во втором молодом господине Ци сквозила необузданная мужская сила. Опалённый пламенем войны, он походил на обнажённый клинок — грозный, холодный и ослепительный.

Глядя на мужа, которого он не видел более полугода, Цзян Мэнчжэнь ощутил внезапную робость — этот воин казался ему почти чужаком. Он остался стоять в тени, провожая Ци Хэли долгим, задумчивым взглядом.

После свадьбы Мэнчжэнь искренне пытался наладить их совместную жизнь. Однако Ци Хэли обладал тяжёлым, упрямым нравом. Возможно, его задевало то, что некогда Мэнчжэнь должен был выйти замуж за его старшего брата, Ци Фэнцзю, а потому в каждом их разговоре сквозила неловкость и затаённая обида. Мэнчжэнь не чаял великой любви, но надеялся хотя бы на взаимное уважение — увы, эти надежды разбились в прах. Сам по себе тихий и не склонный к ссорам, он то и дело сталкивался с глухой стеной непонимания. Полгода назад их взаимное недовольство вылилось в грандиозную ссору, после которой вечно холодный Ци Хэли собрал вещи и ушёл на фронт.

В то время как другие молодожёны упивались семейным счастьем, они превратили свой дом в поле бесконечной безмолвной войны. После отъезда мужа Мэнчжэнь много думал об их браке. Они оба ещё так молоды. Неужели им суждено до конца дней оставаться непримиримыми врагами под одной крышей? Его гордая душа не желала мириться с такой участью. Он твёрдо решил: когда Ци Хэли вернётся, он сделает первый шаг навстречу. Бессонными ночами Мэнчжэнь воскрешал в памяти картины из детства — то, как бережно и ласково общались его отец и мать. Он хотел перенять эту мудрость, усмирить собственную гордость и наконец построить настоящий семейный очаг, забыв о пустых обидах ради общего мира.

И теперь, видя, как Ци Хэли уверенным движением соскакивает с коня у ворот, Мэнчжэнь с удивлением понял, как сильно соскучился по нему. Сердце предательски затрепетало от робкой радости и облегчения.

Однако Ци Хэли даже не повернул головы в его сторону. Бросив поводья слуге, он быстрым шагом направился к стоявшему позади экипажу. Приподняв тяжёлую, подбитую мехом занавесь, он заглянул внутрь, негромко заговорил с кем-то, и его суровое лицо вдруг озарилось мягкой, непривычно тёплой улыбкой.

Из глубины повозки навстречу ему протянулись две изящные, белоснежные ладони. Муж, который за все годы брака едва ли улыбнулся Мэнчжэню пару раз, бережно сжал эти ладони в своих руках и помог пассажиру спуститься на землю.

Это был юный гэр — хрупкий, невысокий, с мягкими чертами лица. Алая родинка беременности красовалась у самого внешнего уголка его глаза, придавая невинному детскому взгляду неуловимое, манящее кокетство.

Холодный порыв ветра словно заставил воздух застыть в груди Мэнчжэня. Ледяной спазм сковал горло. Ему безумно хотелось закашляться — так, чтобы выплюнуть вместе с кровью онемевшие внутренности, — но он заставил себя сдержаться, из последних сил цепляясь за остатки собственного достоинства перед слугами.

Ци Хэли снял свой алый плащ и заботливо укутал в него плечи юноши. Обняв его за талию, он повёл гостя к усадьбе. Заметив стоящего в стороне Мэнчжэня, мальчик на мгновение замешкался и робко потянул воина за рукав. Однако Ци Хэли даже взглядом не удостоил своего супруга. Словно проходя мимо пустого места, он увлёк спутника за собой под восторженные крики столпившихся слуг: «Второй молодой господин вернулся!», скрываясь в глубине поместья.

«Один мчался домой сломя голову, а вторая считала минуты до встречи. Вот это настоящие чувства. А без них — какая в этом радость?» — слова Биянь эхом отозвались в его голове.

Да уж, радости в сегодняшнем дне оказалось мало. Глупо вышло. Сам пришёл за своим унижением.

Робкая птица надежды, только что порхавшая в его груди, камнем упала на ледяную землю. Цзян Мэнчжэнь долго стоял неподвижно, чувствуя, как немеют пальцы рук и ног. Наконец он молча повернулся и пошёл обратно в свои покои.

Спустя несколько шагов на его щёку упало что-то прохладное. Он коснулся лица кончиками пальцев и увидел на них тающую каплю.

Пошёл снег.

Теперь понятно, почему было так холодно.

<http://bllate.org/book/19598/2002393>